

УДК 94

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ ЭТНОСИМВОЛИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ: ИДЕАЛЬНЫЕ ТИПЫ И «ВРЕМЯ БОЛЬШОЙ ДЛИТЕЛЬНОСТИ»

© 2013 г.

С.В. Кузнецова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

kuznetsova.sv.v@gmail.com

Поступила в редакцию 15.12.2013

Исследуется методология этносимболистской концепции, рассматривающей нацию и национализм как явления современной эпохи, истоки которых можно обнаружить в древности. Анализируется использование идеально-типологического приема при определении терминов «нация» и «национализм» и помещение процесса формирования наций в контекст «времени большой длительности».

Ключевые слова: национализм, нация, этносимболизм, идеальный тип, «время большой длительности».

Принято считать, что «национализмоведе-ние» (*nationalism studies*) как междисциплинарная область исследования оформилось в 90-х гг. XX в. [1, р. 13, 41]. Рост числа публикаций по национальной проблематике в этот период был обусловлен распадом Югославии и СССР и образованием новых государств, сопровождавшимся обострением межнациональных конфликтов. Между тем интерес гуманитарных наук к нациям и национализму имеет долгую историю. Пионерами в области академических исследований были американские историки К. Хайес и Х. Кон. С их именами связывают рождение в 1920-х гг. «исторического национализмоведедения», однако подлинный фундамент для *nationalism studies* был заложен во второй половине XX в. работами немецкого социолога К. Дойча и английского философа и социально-антрополога Э. Геллнера, которые легли в основу так называемой конструктивистской парадигмы [1, р. 40]. Согласно ей, нации и национализм являются продуктами модернизации, или превращения аграрного общества в индустриальное, и говорить об их существовании до конца XVIII в. невозможно. Они стали результатом изобретения новых элит, борющихся за власть в условиях кризиса старого порядка. Данная парадигма испытала на себе влияние теории модернизации 50–60-х гг. XX в., утверждавшей, что изменения в экономической сфере жизни общества влекут за собой перемены во всех других областях (политической, социальной, культурной), и в итоге осуществляется переход от традиционной стадии развития к современной.

Ключевым в истории конструктивизма стал 1983 г., когда одновременно были опубликованы три знаковые книги: «Нации и национализм» Э. Геллнера, «Воображаемые сообщества» английского исследователя Б. Андерсона и сборник статей «Изобретение традиции» под редакцией историков Э. Хобсбаума и Т. Рэйнджера [1, с. 41]. Внимание к ним остается повышенным и сегодня, а теория Э. Геллнера стала одной из господствующих. Это было обусловлено тем, что в 80-х гг. общая теория модернизации переживала возрождение в связи с крушением коммунистических режимов и появлением новых обществ, стремившихся интегрироваться в западный мир. Признавалось, что импульс к модернизации происходит «снизу», и политической элите необходимо устранить для нее препятствия в виде традиционных структур¹. Внимание Э. Геллнера к образованию национальных государств отвечало интересам времени, но современное происхождение наций и национализма и их сконструированный характер не были признаны единогласно. На 80-е гг. XX в. приходятся «классические дебаты» между сторонниками конструктивизма и примордиалистами, признающими в делении людей на нации природную обусловленность. К лагерю критиков конструктивистов примкнули и перенниалисты, рассматривающие нацию как культурное сообщество с глубокими историческими корнями. Особое место среди перечисленных направлений занимает этносимболистская концепция, автором которой является британский историк и социолог Энтони Смит. Он помещает этносимболизм между конструкти-

визмом и перенниализмом. Согласно его взглядам, нации и национализм чаще всего являются продуктами Нового времени, но в их основе лежит относительно древняя история. Впервые ключевые положения этносимволизма нашли отражение в 1986 г. в работе «Этнические истоки наций» [3]. К настоящему времени концепция не претерпела серьезных изменений, но ее отдельные темы конкретизировались и получили дополнительное освещение.

Этносимволистский подход формировался в условиях полемики с конструктивистами, которых Э. Смит обвиняет в «модернизме» за стремление обусловить возникновение наций и национализма модернизацией традиционных обществ [3, p. 9]. В вину «модернистам» ставится нивелирование роли этнических связей и обществ прошлого в формировании современных наций и сведение статуса последних к продуктам деятельности элит вне учета участия иных социальных слоев. В своих работах Э. Смит неоднократно подчеркивал, что этносимволизм не претендует на статус исчерпывающей теории, объясняющей происхождение и суть наций и национализма, однако не отрицал возможности появления таковой. В одной из ранних статей об изучении национализма в классической социологии он указывал, что подобная теория требует четкой терминологии, внимания к внутренним характеристикам национальной идентичности как культурной по своей сути и помещения конкретно-исторического случая в общеисторический контекст для проведения сравнительного анализа и выявления общего и особенного [4, p. 19]. Э. Смит выделяет заслугу М. Вебера в том, что он рассматривал нацию как культурное сообщество, объединенное верой в общую судьбу, но в арсенал этносимволизма была взята другая идея известного немецкого социолога, а именно метод идеальных типов [4, p. 31–33]².

Концепция идеальных типов предполагает создание синтетических мысленных конструкций, которые сочетают в себе определенные характеристики явлений исторической действительности. Сформированный в результате образ выступает идеализированной абстракцией, лишенной внутренних противоречий, однако как продукт теоретического воображения он не отражает подлинную реальность и не должен этого делать. Его задача — привести исследователя к постижению сути эмпирических данных. Идеально-типические конструкции незаменимы при анализе явлений действительности, и их познавательная ценность раскрывается только при соотнесении с ними частных случаев. По мне-

нию М. Вебера, идеальный тип правильно сконструирован в том случае, если он не копирует действительность, так как только тогда исследователь может прийти к осознанию своеобразия изучаемых конкретных явлений. Те же ученые, которые стремятся к детальной конкретизации того или иного понятия, дабы приблизить его к реальности, совершают ошибку, потому что историческое знание начинает служить теории, а не наоборот, как это должно быть. Таким образом, парадокс идеальных типов заключается в том, что они рождаются при анализе эмпирического материала и затем служат для его понимания [7].

Конструирование идеально-типических понятий, согласно М. Веберу, необходимо для упорядочения имеющихся в распоряжении исследователя эмпирических данных, поэтому неудивительно, что вопрос о природе нации является предметом споров. Конструктивизм представляет ее абстрактной идеей, придуманной элитами для реализации политических целей, в то время как примордиализм рассматривает нацию как сообщество, объединенное действительным кровным родством, а не верой в него, что свойственно перенниалистам. По мнению Э. Смита, нация одновременно является и абстрактной идеей, и реально существующей общностью людей, поэтому сам термин понимается им двояко. С одной стороны, нация выступает как категория анализа, с другой — как описательный термин, применяемый по отношению к особому историческому типу человеческого сообщества. Для этносимволизма важен первый способ употребления, так как понимание «нации» в качестве идеального типа может быть применимо ко всем историческим периодам (*transhistorical ideal type*) [8, p. 18]. Нация — это «обладающее названием, самоопределившееся человеческое сообщество, члены которого разделяют и поддерживают общие мифы, воспоминания, символы, ценности и традиции, проживают на установленной территории и идентифицируют себя с нею, создают и распространяют определенную публичную культуру, соблюдают общие права и законы» [8, p. 19]. Применение данного определения на практике предполагает его соотнесение с примерами конкретных исторических наций (французской, немецкой и др.) для сравнения их характеристик с идеально-типическими³.

Центральным пунктом критики, предъявляемой Э. Смитом «модернизму», является отрицание последним преемственности между национальными идентичностями, возникшими в Новое время, и культурными связями, суще-

ствовавшими в средневековый и античный периоды (досовременную эпоху) [6, p. 21]. В «Этнических истоках наций» приводятся примеры терминов, которыми в древнегреческом языке обозначали различные коллективы людей, выделявшихся на основе тех или иных характеристик. Среди прочих называются *genos* как понятие, подразумевающее группу по общности родства, и *ethnos* в качестве определения сообщества, объединенного близкой культурной традицией. Оба термина отсылают к коллективу, представители которого живут и действуют сообща и имеют сходные представления о себе и окружающем мире. Для терминологии этносимволизма характерно понятие «этнония» (*ethnie*), заимствованное из французского языка и подчеркивающее приоритет общности культуры над общностью биологического родства [3, p. 21–22]. Этнония трактуется как «имеющее самоназвание самоопределившееся сообщество с мифом об общем происхождении, историческими воспоминаниями, элементами общей культуры и степенью этнической солидарности» [8, p. 30–31]. Данный термин введен в инструментарий этносимволизма с целью выявления сходств и различий между современными нациями и сообществами прошлого. Для существования этний решающим является наличие мифов, символов и воспоминаний, которые сохраняются и поддерживаются членами этнической группы при смене поколений. Для определения данной совокупности используется идеально-типическое понятие «мифо-символический комплекс» (*the myth-symbol complex*), впервые использованное американским исследователем национализма Дж. Армстронгом [11]. Э. Смит критикует «модернизм» за взгляд на нацию и национализм как на продукты изобретения и объекты манипуляций политических элит, так как объяснение их происхождения с точки зрения экономического и политического развития общества в Новое время не отвечает на вопрос, почему идея нации вызывает среди людей эмоциональный отклик такой силы, что они готовы отдавать за нее свои жизни. Сам автор этносимволизма объясняет это тем, что мобилизация масс, необходимая для преобразования этнии в нацию, невозможна без обращения к истории сообщества: чтобы национальная идея стала популярной у широких слоев, нужно обратиться к таким символам и мифам, которые имеют равное значение для большинства [12, p. 363, 365].

Формирование наций в Европе происходило в условиях так называемой тройственной революции (*triple revolution*): экономической (про-

мышленный переворот в Великобритании), административной (Великая французская революция) и культурной (например, политика «культуркампа» в Германской империи) [3, p. 130–134]⁴. В результате перемен утвердился буржуазный тип общества, и влияние прежних правящих династий и аристократии ослабело, тогда как новые социальные силы — буржуазная интеллигенция или третье сословие — заявили о желании укрепить свои позиции в изменившихся условиях. Это привело к кризису старых форм идентификации людей по подданству и вероисповеданию и вызвало к жизни вопрос о новых их вариантах. С одной стороны, процветание государства отныне зависело от реализации его экономического и промышленного потенциала, а с другой — на сознание рядовых членов общества продолжали воздействовать религиозные объяснения действительности [14, p. 188–189]. Выход из ситуации был найден путем обращения интеллигенции к самому обществу и представления его не как объекта воздействия провидения, а как полноправного субъекта исторического процесса, способного определять свою судьбу. Для того чтобы представить сообщество уникальным коллективом, интеллектуальные элиты, выступившие проводниками национальной идеи, обратились к наследию прошлого. Иными словами, возникновение наций имело двойной базис — социальный в лице интеллигенции и культурный в форме мифо-символических комплексов предшествующих этний. С этой точки зрения процесс формирования наций представляется растянутым во времени и берущим начало задолго до конца XVIII в., а значит, должен рассматриваться через призму *la longue durée*, или «времени большой длительности».

Данный подход к изучению национальной идентичности заимствован этносимволизмом из работы Дж. Армстронга «Нации до национализма», а последним — из арсенала Ф. Броделя, ключевой фигуры второго поколения школы «Анналов», автора концепции многослойного исторического времени [11, p. 4, 8]. По мнению французского исследователя, следует различать три временных ритма, в которых существует историческая реальность: время большой длительности (неподвижное, медленно меняющееся), время средней длительности (циклы, исчисляемые десятилетиями) и краткое время (событие). Для того чтобы в полной мере осознать то или иное историческое событие или явление, нужно взглянуть на него с точки зрения «медленной истории», так как жизнь не является механизмом, который можно остановить в любой

момент, дабы всесторонне изучить его. Последним грешат социологи, но для историков это недопустимо. Только долговременная историческая перспектива позволяет подойти к исследованию частного явления с учетом его глубинных истоков. Ключом к пониманию «времени большой длительности» выступает понятие «структура» – система упорядоченных отношений и связей между социальной реальностью и массами. Структуры имеют реальный характер и почти неизменны во времени, хотя и отличаются разной степенью устойчивости [15]. Введение Ф. Броделем в научный оборот концепта *la longue durée* показало, что в силу своей сложности и неоднозначности социально-историческая реальность должна рассматриваться на разных временных уровнях. Это было ответом истории на вызов, брошенный ей социологией и антропологией, в условиях, когда в социально-гуманитарной науке обсуждалась проблема междисциплинарности⁵. Неудивительно, что для Э. Смита, сторонника междисциплинарного изучения национализма, метод Ф. Броделя стал одним из ключевых.

Этния и нация понимаются этносимволизмом как структуры, и вопрос о преобразовании первой во вторую является для концепции главным. Формирование нации представлено длительным процессом, который нельзя точно датировать. Обретение самоназвания — первый и главный этап. Его отсутствие расценивается как признак слабой степени интеграции, что не может привести к зарождению чувства общности. Нации также свойственно территориальное самоопределение, выражающееся в концепции родной земли. При этом историческая родина воспринимается не только как место проживания, но и как особое пространство, обладающее символической значимостью, — это земля героических предков и знаменательных событий. В рамках установленных границ осуществляется экономическая и политическая унификация жизни сообщества, происходит превращение его членов в граждан [8, р. 34–39]. В качестве подспорья в формировании национальной идентичности выступает национализм. Э. Смит дает ему следующее определение: «идеологическое движение с целью достижения и поддержания автономии, единства и идентичности коллектива, члены которого являются реальной или потенциальной нацией» [6, р. 61]. Исходя из этого, нации исторически предшествовали национализму, а не наоборот, как предполагает «модернизм». Приведенная дефиниция вызывает к памяти требование одного из известных представителей конструктивизма Дж. Бройи о том, что

определение национализма «должно охватывать три типа предметов: доктрины, политику и чувства» [17, с. 230]. Под последним понимается чувство национальной идентичности, изучение которого имеет смысл, если оно мобилизуется в ходе политического движения [17, с. 203]. В свою очередь, «автономия», «единство» и «идентичность» у Э. Смита не имеют политического характера и не относятся к понятию «государство». По его мнению, хотя в реальности нация и государство зачастую связаны (национальное государство, государство-нация), концептуально их следует различать [18, р. 382].

Утверждая, что процесс формирования наций должен рассматриваться в контексте «времени большой длительности», Э. Смит подвергает критике исследования «каждодневной нации» (*everyday nationhood*) и повседневного национализма (*banal nationalism*)⁶. В первом случае внимание исследователей обращено на то, каким образом идея национальной идентичности отражается в сознании и деятельности рядовых членов общества, во втором — акцент ставится на роли официальных государственных символов и их воздействии на сознание людей. Данные исследования Э. Смита относят к «постмодернистскому» направлению национализмоведения [21, р. 325, 326]. По его мнению, ученые, работающие в данном русле, замыкаются в рамках микроаналитического подхода, и их исследования сводятся к описанию того, как национальная идентичность поддерживается в современных государствах, что необоснованно отдаст политическому фактору главенство в формировании нации. Безусловно, в настоящее время политика в области образования и культуры находится под государственным контролем, однако, чтобы концепция повседневного национализма обрела научное значение, необходимо ее помещение в рамки макроаналитического нарратива, объясняющего причины появления наций и национализма и их превращение в одни из главных характеристик современного мира [22]. Что касается «постмодернизма» в целом, то Э. Смит объединяет под этим понятием совокупность направлений, рассматривающих отдельные вопросы существования наций и национализма: гендерный анализ, исследования либерального национализма, мультикультурализма, глобализации и др. Вместе с тем «постмодернизм» не стремится оспаривать общие положения «модернизма», а расширяет диапазон его проблематики, рассматривая современное общество через призму постмодерна как концепции восприятия мира, свойственной эпохе постиндустриализма [14, р. 202].

Изучению повседневного конструирования нации Э. Смит противопоставляет исследование исторической национальной идентичности (*historic nationhood*). При ее рассмотрении необходимо обращать внимание на такие ее объективные составляющие, как символический и институциональный компоненты. Символы и мифы играли важную роль в осознании сообществом собственной культурной исключительности еще в досовременную эпоху, а позднее выступили ядром формирования нации. Что касается институциональных элементов (законов, образовательных программ, обычаев, ритуалов), то их воспроизведение через поколения служило сохранению и поддержанию чувства культурного единства [23, р. 64–65]. Идеально-типическое понятие нации включает названные компоненты, потому что только в этом случае оно применимо ко всем историческим периодам, сообществам прошлого, в которых права и обязанности распространены неравномерно среди членов, и современным государствам, где они едины и доступны для всех граждан в равной степени.

Применяя метод идеальных типов, Э. Смит включает в свое исследование общества, существовавшие в досовременную эпоху и остающиеся вне поля зрения «модернистов»: Древний Египет, Персию, Древний Израиль, греческие полисы. Этим сообществам не были чужды представления о едином происхождении, чувство принадлежности к родной земле, осознание своего культурного отличия от соседей. Они также были организованы в рамках государственных объединений, но зачастую их границы не были четко определены, что затрудняло экономическую и политическую унификацию [18, р. 383–386]. Эти иллюстрации позволяют Э. Смицу говорить о том, что уже в древности существовали такие формы коллективной культурной и политической идентичности, которые заложили основы современной идеи нации. Более того, в данный период можно обнаружить и сами примеры наций – в Египте и Иудее. В первом случае сказалась объединяющая политика государства, какой не было, например, в Греции, во втором же консолидирующим фактором выступили религиозные идеалы и культ [8, р. 74–75].

Что касается средневековой истории, то здесь этносимволизм выделяет случаи Англии, Франции и Шотландии XIV–XV вв. Каждую из этих стран в указанное время характеризовали осознанное чувство коллективной идентичности среди элит, самоназвание, мифы происхождения и родства, общие воспоминания и тради-

ции. Существование королевской власти обеспечило территориализацию данных наций, распространение стандартизированных законов, публичной культуры. Эти примеры представляют иерархический (*hierarchical*) тип нации [8, р. 105]. Два других варианта — договорной (*covenantal*) и гражданско-республиканский (*civic-republican*) — характерны для XVI–XVII вв. и XVIII в. соответственно. Первый стал преобладающим на волне Реформации, распространившей концепцию божественной избранности, некогда присущей народу Древней Иудеи, в христианской Европе. Для него характерны монархическая и республиканская разновидности. В первом случае «договор» заключен между Богом, королем и народом, во втором — между сообществом и Богом. Данные нации также характеризуются собственным мифо-символическим комплексом, территорией проживания, правами и законами, но среди важнейших факторов самоидентификации выступает религиозный. Это были сообщества равных и по принадлежности к одному государству, и по вероисповеданию [8, р. 131]. Республиканский тип сложился в ходе Великой французской революции, подарившей миру идеи равенства, гражданства и верховенства закона. Отныне большое влияние на существование культурных связей и идентичностей стало оказывать национальное государство, и важную роль для объединения сообщества сыграло обращение интеллигентов к культурному наследию прошлого. Консолидирующим элементом также явилось прочтение идеи избранности народа и его особой миссии в истории в светском ключе, например, в деле распространения прогресса или идей демократии [8, р. 138, 153].

Таким образом, согласно Э. Смицу, если в древности можно обнаружить лишь единичные примеры наций, существование которых было недолговременным, то с XIV–XV вв. их история становится непрерывной. Выделение трех перечисленных выше разновидностей национальной идентичности основывается на методе идеальных типов, однако важно отметить, что вопросы периодизации истории нации как абстрактной идеи нужно связывать с изучением исторических наций и их культурных традиций.

Конструктивизм рассматривает нации и национализм как неотъемлемые черты развития современного общества и начинает их историю с конца XVIII в. Такое представление неприемлемо для этносимволистской концепции, хотя и признающей рождение большинства из них в Новое время, но вместе с тем отстаивающей их древние истоки. По мнению Э. Смита, нация не

должна рассматриваться исключительно в качестве абстракции, так как она выступает одновременно и как конструкт, поскольку для формирования ее культурного ядра происходит отбор необходимых, эмоционально значимых мифов и символов, и как исторический тип человеческого сообщества. Эта двойственность нашла отражение в определении нации в качестве идеального типа, инструмента анализа конкретных исторических объектов. В свою очередь, любое изучение в ключе *case study* должно происходить в рамках социоисторического подхода и «времени большой длительности», то есть следует рассматривать вопрос происхождения той или иной нации как процесс, в котором задействованы различные социальные силы. Используемая этносимволизмом методология позволяет расширить горизонты для исследователей наций и национализма. В теоретическом смысле концепция выступает как ключ к изучению данных феноменов, а в практическом – предлагает модель для конкретных исследований.

Понимание «нации» как категории анализа позволило Э. Смиту создать типологию наций, так как «иерархический», «договорной» и «гражданско-республиканский» варианты по существу являются идеально-типическими моделями. Однако в методе идеальных типов содержится не только возможность исследования наций и национализма через призму «времени большой длительности», но и ограничение, касающееся возможности создания общей теории национализма. Согласно М. Веберу, любой идеальный тип является продуктом конкретной культурной эпохи и меняется вместе с ней. Соответственно, идеальных типов какого-либо явления может быть создано большое множество. В связи с этим возникает вопрос, не является ли предложенное Э. Смитом определение «нации» статичным, что может привести нас к заблуждениям при анализе исторических наций, которые в своем развитии зачастую опережают изменение наших представлений о национальном феномене как таковом.

Примечания

1. Подробнее об истории теории модернизации и ее влиянии на социологическую мысль второй половины XX в. см.: [2, с. 170–187].

2. Что касается влияния классической социологии на этносимволизм, то здесь также важно упомянуть наследие Э. Дюркгейма. Так, социолог С. Малешевич, занимающийся вопросами сравнительно-исторического и теоретического анализа этничности и национализма, считает этносимволистский подход

неодюркгеймовским вариантом объяснения. Он выделяет эволюционизм, коллективизм и идеализм, свойственные взглядам классика социологии, как основные черты концепции Э. Смита. Подробнее см.: [5, р. 109–135]. Э. Смит ответил на предъявленную критику в работе «Национализм и этносимволизм: культурный подход». См.: [6, р. 125–130].

3. Понимание нации как категории анализа и категории практики вызывает немало споров. Американский социолог Р. Брубейкер предлагает отказаться от употребления первого варианта, так как теоретические и практические проблемы национальной идентичности и национализма имеют множество форм, что затрудняет создание универсальной модели их объяснения. Для него нация — это категория практики, и исследователям следует обратить внимание на то, как это понятие работает на практике, в языке политики. См.: [9, с. 104; 10, р. 111].

4. Концепция тройственной революции является вариантом идеи Э. Хобсбаума о двойственной революции (экономической в Великобритании и политической во Франции), к которой Э. Смит добавляет культурный компонент. См.: [13, с. 9, 11, 43–112].

5. Подробнее о значении концепции «времени большой длительности» для общественных наук см.: [16].

6. Впервые термин *banal nationalism* был использован английским социологом М. Биллингом. См.: [19]. О концепции *everyday nationhood* см.: [20].

Список литературы

1. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М.: КДУ, 2005. 320 с.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
3. Smith A.D. *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford: Blackwell Publishers, 1986. 240 p.
4. Smith A.D. *Nationalism and Classical Social Theory* // *The British Journal of Sociology*. 1983. V. 34, № 1. P. 19–38.
5. Malešević, S. *Identity as Ideology. Understanding Ethnicity and Nationalism*. L.: Palgrave Macmillan, 2006. 264 p.
6. Smith A.D. *Ethno-symbolism and Nationalism: A Cultural Approach*. N.Y.: Routledge, 2009. 184 p.
7. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
8. Smith A.D. *Cultural Foundations of Nations: Hierarchy, Covenant and Republic*. L.: Blackwell Publishing, 2008. 245 p.
9. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М.: Новое издательство, 2010. С. 62–109.
10. Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме // *Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма*. М.: Новое издательство, 2010. С. 110–130.

11. Armstrong J. Nations before Nationalism. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.
12. Smith A.D. The Poverty of Anti-nationalist Modernism // Nations and Nationalism. 2003. V. 9, Is. 3. P. 357–370.
13. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 480 с.
14. Smith A.D. Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Resent Theories of Nations and Nationalism. L., N.Y.: Routledge, 1998. 270 p.
15. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
16. Хакимов Г.А. «Время большой длительности» Фернана Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // Вопросы философии. 2009. № 8. С. 135–146.
17. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма. М.: Праксис, 2002. С. 201–236.
18. Smith A.D. The problem of national identity: Ancient, medieval and modern? // Ethnic and Racial Studies. 1994. V. 17. Is. 3. P. 375–399.
19. Billing M. Banal Nationalism. L.: SAGE Publications, 1995. 200 p.
20. Fox J., Miller-Idriss C. Everyday Nationhood // Ethnicities. V. 8, № 4. 2008. P. 536–562.
21. Smith A.D. The Shifting Landscapes of ‘Nationalism’ // Nations and Nationalism. 2008. V. 8. Is. 2. P. 317–330.
22. Smith A.D. The limits of everyday nationhood // Ethnicities. 2008. V. 8. Is. 4. P. 563–573.
23. Smith A.D. Dating the nation // Ethnonationalism in the Contemporary World: Walker Connor and the Study of Nationalism. Ed. by D. Conversi. Routledge, 2004. P. 53–71.

SOME PRINCIPLES OF ETHNOSYMBOLISM: IDEAL TYPES AND «LA LONGUE DURÉE»

S.V. Kuznetsova

The article examines the methodology of ethnosymbolism that considers the nation and nationalism as phenomena of the modern era, the origins of which can be traced to antiquity. The author analyzes the use of the ideal-type method to define the terms «nation» and «nationalism» and the representation of the process of nation formation in the context of «la longue durée».

Keywords: nationalism, nation, ethnosymbolism, ideal type, «la longue durée».